

ПРОЛОГ

С давних времен основным полезным ископаемым в Крыму была соль. Да-да, та самая соль, без которой немислимо никакое блюдо, будь то обычная похлебка бедняка или нечто изысканное и роскошное, что красовалось на столах вельмож, ханов и царей. Без соли никогда не могли обойтись ни бедняки, ни цари. Оттого-то соль всегда именовалась «белым золотом», и в этом названии истины было гораздо больше, чем лирики.

Бывали такие времена, когда соль по своей стоимости и впрямь приравнивалась к золоту. И даже ценилась выше золота. В этом был очевидный и несокрушимый резон. Золотом, сколько бы его ни было, не приправишь ни бедняцкую похлебку, ни царское блюдо.

В разные времена именно соль составляла основное богатство тех держав, в состав которых входил Крым. Ее меняли на золото, она приносила неслыханную прибыль. Это было понятно и объяснимо. В европейской части России и на Украине соль добывалась в Крыму, и нигде больше. Во всяком случае, в промышленных масштабах. До сей

поры существует устойчивое выражение «в Крым за солью». Нескончаемые вереницы телег, запряженных волами, круглый год двигались в сторону Крыма, загружались здесь солью и отправлялись обратно — в северные части России, на Украину и дальше, в Европу. Караваны, караваны... И караванщики те исстари назывались чумаками. Это слово сохранилось до сих пор, хотя, конечно, далеко не все сейчас знают, что оно означает на самом деле. Даже Млечный Путь — и тот исподволь был переименован в Чумацкий шлях. Вот что означала крымская соль для наших предков!

Несмотря на расстояния и всяческие дорожные трудности, везти соль из Крыма было выгодно. Во-первых, стоимость ее была довольно низкой, гораздо ниже стоимости той соли, которая добывалась в других местах. Почему ниже? Да потому, что ее здесь было много. А коль товара много, то и цена его низкая. Это элементарный экономический закон. Во-вторых, добывать здешнюю соль было относительно просто. Конечно, трудности имелись и здесь, и трудности немалые, потому что попробуй-ка дни напролет провести под палящим солнцем и просоленным ветром, не разгибая спины! Соль въедалась в кожу, норовила попасть в глаза, ею дышали, ее глотали... Ну да — в других местах добывать столь ценный минерал было еще тяжелее... И в-третьих, крымская соль испокон веку славилась своим качеством и полезными свойствами. Ее не только употребляли в пищу, ею лечились. От множества болезней спасала крым-

ская соль-целительница. Ею заживляли раны, лечили всяческие внутренние болезни, приводили в порядок суставы — всего и не перечислить. Слава о крымской соли шла по всей земле, потому-то и тянулись в Крым нескончаемые чумацкие караваны. Сюда — пустые, отсюда — груженные драгоценным минералом.

Достоверные исторические факты гласят, что, когда Крымский полуостров являлся частью Крымского ханства, правитель-хан строго-на-строго, буквально-таки под страхом смерти запретил разбазаривать соль и владеть соляными приисками кому бы то ни было, кроме него самого. Выражаясь современным штилем, на все соляные прииски была наложена державная рука. Никакой частной самодеятельности! Нет, частники, конечно же, были, но старались они за малую долю, а основная часть золота, выручаемого от добычи соли, текла в ханскую казну. Текла нескончаемо, летом и зимой, днем и ночью... Как, скажем, некоторые современные державы богатеют на газе и нефти, так крымский хан богател на соли.

Еще одним весомым плюсом добычи соли в Крыму было то, что большая часть соли добывалась на озере Сиваш и на небольших присивашских озерцах. А Сиваш — он расположен с самого краю Крыма. Вот как только въедешь в Крым, как только минуешь перешеек, соединяющий полуостров с материком, — так сразу же и Сиваш. Вот он, по левую руку. И все прочие присивашские озера — там же. И не надо ехать куда-то дальше,

не надо терять время и силы. Загрузился солью, расплатился — и поезжай обратно. Да только поглядывай, чтобы по пути не напали на тебя разбойники. А то ведь — нападут, отнимут соль, а то, глядишь, и саму твою жизнь. И жизнь-то в те времена значила куда как меньше, чем отнятая у человека соль... Оттого-то и объединялись в ватаги чумаки, едущие в Крым за солью. Гуртом отбиться от разбойников было сподручнее...

Не утратила своего значения и своей жизненной роли крымская соль и в последующие времена — вплоть до установления в Крыму советской власти. Оно и понятно — соль нужна всем и во все времена. В короткие сроки советская власть наладила на Сиваше целое промышленное производство. Отсюда крымская соль отправлялась во все уголки Советского Союза. И даже за границу.

Ну а затем началась Великая Отечественная война, и в Крым вошли фашисты. Они также по достоинству оценили крымскую соль. И даже намеревались развернуть ее промышленную добычу. Но не преуспели. И времени у них для этого было маловато, и местные партизаны, как могли, мешали, и с кадрами также были проблемы... Зато всю добытую соль фашисты вывезли из Крыма подчистую. Так что когда Красная армия освободила Крым, то наряду со множеством других проблем перед вернувшейся на полуостров советской властью встала еще одна проблема — нехватка соли. Это в Крыму-то, который испокон веков был знаменит своей солью...

ГЛАВА 1

Общеизвестная истина: без крепкого тыла сильной армии быть не может. В самом деле: армию нужно снабжать оружием, каждого солдата нужно одеть, обуть и накормить. А то много ли навоюет солдат без оружия, да еще раздетый и голодный? И все эти заботы возложены именно на тыловые службы. На интендантов, как обычно принято называть лиц, служащих в тыловых подразделениях.

Конечно, об интендантах-тыловиках говорят гораздо меньше, чем о тех бойцах, которые сражаются на передовой. И песен о них не слагают, и стихи не сочиняют, и — бывает и такое — наградами и почестями они зачастую обделены. Ну да что ж? Надо же кому-то служить и в интендантах. Надо кому-то кормить, одевать и обувать бойцов на передовой. А потому на войне еще вопрос: кто главнее и важнее — те солдатики, которые ходят в атаки, или те, кто их одевает и кормит? Хотя, если разобраться, то и то важно, и другое. Важно в одинаковой степени. Война она ведь разная. А потому и воевать также приходится по-разному. Кому стрелять во врага, кому — кашеварить.

Тем более что цель у всех одна и та же. И цель эта — победа. Всеобщая победа. Одна на всех.

А к тому же что делать, если тебя определили именно в интенданты, а не, допустим, в артиллеристы или разведчики? В армии разве спрашивают твоего желания? В армии — приказывают. Приказали служить в интендантах, так что будь добр — принимайся за дело и не возражай. Потому что возражение в армии, да еще в военное время — это грубейшее нарушение дисциплины. Сродни измене Родине, если называть вещи своими именами. Армия есть армия, война есть война, а победа — она все едино одна на всех. Хоть для разведчика с артиллеристом, хоть для тылового обозника. Здесь главное — сделать для победы все, что ты можешь на том месте, куда тебя приставили. А уж там — разберемся. Как говорится, сочтемся славой, коль останемся живы.

Так или примерно так размышлял майор Степан Крикунов, командир одного из интендантских подразделений, вошедших на Крымский полуостров сразу же вслед за передовыми частями Красной армии. Впрочем, что значит — размышлял? Честно сказать, ему и размышлять-то было некогда. Размышляют обычно те, у кого хватает на это времени. А те, у кого времени не хватает, действуют. Вот и Степан Крикунов тоже действовал, а если и размышлял, то лишь мимоходом и в самых общих чертах и образах.

Так вот, времени у Степана Крикунова на размышления не хватало. Да и откуда ему было

взяться, времени для размышлений, рассуждений и прочей философии? Армия наступала, а когда наступление, то у всех, в том числе и у тыловых служб, дел невпроворот. Порой так бывает, что несколько суток кряду и вздремнуть не удается, а не то что предаваться обстоятельным размышлениям! Наступление — очень хлопотное дело. Впрочем, как и отступление. Хотя, конечно, одно с другим и не сравнишь. Грех сравнивать одно с другим. При наступлении, кем бы ты ни был, у тебя будто крылья вырастают, будто душа воспаряет, а вместе с этим и силы прибавляются — так что ты готов тянуть свою ляжку с утроенной силой, с торжеством и радостью, голодный и невыспавшийся, невымытый и небритый — вот что такое наступление! Ведь это же не просто само по себе слово, это — освобождение твоей родной земли от проклятого врага! Это высшая справедливость, высший смысл, какой только может быть на войне! Поэтому делаем свое дело, к которому ты приставлен неукоснительным приказом, и никакой тебе философии! Чем майор Степан Крикунов и занимался.

Поэтому он был немало удивлен и даже раздосадован, когда ему сообщили, что он должен явиться в штаб дивизии. Явиться вот прямо-таки немедленно, оставив все свои интендантские дела и заботы. Спрашивается — для чего? Там, в штабе, конечно, объяснят для чего, но все равно — что им понадобилось от Степана Крикунова? Не для вручения же награды его вызывают! И не для того, чтобы попить со Степаном Крикуновым чаю.

А, значит, для какого-то другого дела. А другое дело — это не иначе как нагоняй от начальства. Никаких иных причин своего вызова в штаб простоватый и прямой ум Крикунова выдумать не мог. Вот ведь как — нагоняй! А по какому такому случаю? Где и в чем он, Степан Крикунов, набедокурил? Что сделал не так? Каким таким поступком он вызвал неудовольствие у начальства? А может, обойдется без нагоняя? Может, начальство его вызывает, чтобы ознакомить его с какими-то новыми инструкциями? Ведь вот — Красная армия вошла в Крым, враг стремительно отступает, а значит, должны быть и новые инструкции с приказами.

Впрочем, все это были вопросы риторические, а потому задаваться ими было бессмысленно. В штабе все объяснят — для того и вызывают.

* * *

Штаб временно располагался в одном из небольших перекопских сел. В этом краю все села были небольшими и все похожи одно на другое, так что майор Крикунов потратил немало времени, пока разобрался, что к чему и где именно располагается штаб. И едва не довел до истерики шофера полуторки, на которой Крикунов отправился на поиски штаба.

— Что это ты такой нервный? — прищурился, глядя на шофера, майор. Самого Крикунова вывести из равновесия было сложно, он был человеком флегматичным и обстоятельным.

— Я не нервный! — дернулся шофер. — Я контуженый! Списали меня после госпиталя в тылы! Развозить подштанники и портянки! Будешь тут нервным!

— Вот и развози со спокойной совестью, — сказал Крикунов. — Подштанники с портянками — это тоже оружие.

— Да уж, оружие! — ядовито ответил шофер. — Видали мы оружие и почище!

— А давай я сниму с тебя сейчас штаны и подштанники! — предложил Крикунов. — И поглядим, много ли ты навоюешь в таком срамном виде. Так что помалкивай и находи дорогу в деревню Ялантуш. Говорят, что штаб располагается именно там.

— А! — досадливо крикнул водитель и стал яростно крутить баранку.

Добрались наконец до деревни Ялантуш. Ну а уж найти в ней штаб было проще простого. Штаб располагался в единственном на всю деревню более-менее просторном помещении — в школе. В штабе Крикунову сообщили, что его ожидает полковник Черняк. Кто таков был полковник Черняк, Крикунов не знал. Он и фамилии-то такой раньше не слышал. Недоуменно пожав плечами, Крикунов вошел в комнату, бывшую, по всей видимости, раньше учебным классом.

В комнате находился единственный человек — невысокого роста мужчина с полковничьими погонами. Он стоял у окна и задумчиво смотрел сквозь пыльное и потрескавшееся стекло куда-то вдаль — то ли о чем-то размышляя, то ли любуясь заокон-

ными видами. Виды же были обычными и вместе с тем изумительно красивыми. Была первая половина апреля, а апрель в крымской степи — это самый разгар весны. Это уже потом, ближе к июню, беспощадное южное солнце выжжет всю траву и перекрасит степь в однообразный буро-коричневый цвет с редкими зелеными островками стойких к жаре трав и редких кустарников. А пока степь торжествует, переливается разнотравьем и весенними цветами всевозможных видов и оттенков, и солнце покамест не сжигает всю эту красоту, а, наоборот, нежит ее и ласкает. А какой чудный, удивительный ветер бывает в крымской степи в апреле! А какое небо, какие облака! И что с того, что сейчас война? Красота — она ведь сама по себе.

Крикунов, войдя в помещение, деликатно кашлянул. Полковник глянул на него. Крикунов представился.

— Да-да, — встряхнул головой полковник. — Проходите. Я вас жду. Присаживайтесь. Я полковник Черняк. С недавних пор возглавляю армейскую интендантскую службу. Так сказать, ваш начальник... Давно воюете?

— С самого начала, — ответил Крикунов. — Отступал, теперь вот наступаю...

— И что же, все время в интендантах? — спросил Черняк.

— Куда поставили, там и нахожусь, — пожал плечами Крикунов. Вопрос полковника ему не понравился. — Просился, конечно, и на передовую, не без этого, — добавил он. — Еще в самом

начале войны... Пять рапортов написал. Командир дивизии сказал, что, если я напишу еще один рапорт, он меня пристрелит. И пристрелил бы... Горячий был, что и говорить. Погиб под Таганрогом.

— Я вот тоже просился, — вздохнул полковник. — И примерно с теми же результатами. Вплоть до угрозы расстрела, как и в вашем случае. Да... Ну да ладно. Приступим к делу. То есть скажу, для чего я вас пригласил.

Полковник Черняк вновь подошел к окну, посмотрел на краешек степи, видневшейся из окна, затем глянул на Крикунова и спросил:

— Вы знаете, что такое соль?

— Соль? — опешил Крикунов. — Какая такая соль?

— Обыкновенная, — сказал полковник. — Которой солят кашу.

— Ну, так... — Крикунов недоуменно повертел головой. — Конечно, знаю.

— А как вы думаете, каша без соли вкусная? — спросил полковник. — Можно ли ее есть?

От такого вопроса Крикунов впал еще в большее недоумение. В самом деле — странные вопросы задает ему этот полковник Черняк! Будто какому-то несмышленому мальчугану. Но в то же время полковник был его, Крикунова, прямым начальником, а коль так, то поневоле приходилось отвечать на любые его вопросы, даже самые странные и нелепые.

— Ну так, оно ведь известно, — осторожно произнес Крикунов. — Какая же каша без соли? Оно,

конечно, с голодухи можно обойтись и без соли. А только все равно... Помню, бывали случаи на фронте, когда не было соли... Самолично приходилось разбираться. Да и до войны тоже. Я ведь из-под Омска. В нашей деревне соль была как конфетка. Такое же лакомство. То завезут, то не завезут.

— Вот я о том и толкую, — сказал Черняк.

— Это о чем же? — не понял Крикунов.

— О соли, о чем же еще, — сказал полковник. — О ней, родимой... А вы знаете, что в здешних краях, — он указал рукой за оконце, — добывают соль? Всегда добывали, еще в старые времена?

— Нет, — ответил Крикунов. — Неизвестен мне такой факт.

— Так вот, добывают. На озере Сиваш. Оно здесь рядом. Хорошая, говорят, соль. Целебная. До немцев ее тоже добывали. А когда пришли немцы, то нарушили всю добычу. А всю добытую соль вывезли к себе в Германию, потому что у них-то такой соли отродясь не бывало. И теперь, когда мы вернулись в Крым, то столкнулись с прискорбным фактом. Крым — наш, а соли в нем нет. То есть, конечно, в природе она имеется, но ведь ее надо еще добыть! Вы понимаете, о чем я толкую?

— Не совсем, — признался Крикунов.

— Добывать, говорю, надо соль, — пояснил полковник Черняк. — Налаживать ее производство в промышленных масштабах. Чтобы, значит, хватило на всех: и мирному населению, и нашей армии. Понятно объясняю?

— Вроде как понятно, — не совсем уверенно ответил Крикунов. — Соль надо добывать. Вот пускай советская власть ее и добывает. На то она и поставлена. А наш-то какой здесь интерес? Наше дело — воевать. Двигаться дальше на запад.

— Так-то оно так, — согласился Черняк. — Да вот только, если вдуматься, не совсем оно и так. Потому что присутствует здесь и наш интерес. Интерес всей нашей армии. А коль так, то от соли в некотором роде зависит наша всеобщая победа.

— Это как же так? — не понял Крикунов. — В каком таком смысле?

— В самом прямом, — ответил Черняк. — Каша-то без соли невкусная. Это факт. А без каши много ли солдат навоюет?

— Ну, так оно известно, — развел руками Крикунов. — Без каши — беда.

— Вот о том я и толкую, — сказал полковник. — Без каши — беда. В том-то и кроется наш интерес к соли. Вот гоним мы немцев с нашей земли, и это замечательно! Но чем дальше мы их погоним, тем больше земель освободится. И везде на этих землях живут люди. А людям нужна соль. И так получается, что соль — это важнейший стратегический продукт. Какая советская власть без соли? Какая победа без соли? Ну а где победа, там и наша армия. Соль — это наше оружие!

— Согласен, — кивнул майор Крикунов. — Оно действительно... А только я не понимаю, к чему вы клоните...

— Сейчас объясню и это, — пообещал Черняк. — Итак, соль — это наше оружие. А оружие должно находиться в руках военных, не так ли?

— Правильно, — сказал Крикунов.

— Организовывать добычу соли, конечно, будут гражданские власти, — проговорил Черняк. — На то они и поставлены. Тем более что уже есть распоряжение с самых верхов — срочным образом приступить к добыче соли. Тут, знаешь ли, высокая политика! Крым — это же сплошь море. А в море водится рыба. Основной, так сказать, продукт питания для местного населения. Ну и для нашей армии, конечно. А какая же рыба без соли? Выловить ее из моря, конечно, можно, а что потом? Пропадет рыбка...

— Пропадет, — согласился Крикунов.

— И это я уже не упоминаю лишний раз о каше без соли для наших солдат, — сказал полковник Черняк. — А из всего этого следует вывод. Коль соль — это политика, военная стратегия, оружие и залог нашей победы, то она должна подразделяться на две категории: так сказать, на мирную соль и соль военную. Ну а к военной соли должен быть приставлен военный человек. Я прав?

— Наверно, — не совсем уверенно ответил Крикунов.

— Итак, соль будут добывать гражданские власти, но под нашим, военным наблюдением, — сказал полковник Черняк. — Таков приказ. Часть добытой соли должна направляться на нужды нашей армии. Регулярно и неукоснительно! Чтобы,

понимаешь, наш боец на фронте не жаловался на то, что у него каша несоленая. И к этой важной задаче должен быть приставлен военный человек. Я понятно излагаю?

— Ну... — неопределенно ответил майор Крикунов. Кажется, он начал понимать, куда клонит его начальник.

— И этим человеком будете вы, — сказал Черняк. — Таков приказ. Если есть вопросы, задавайте. Отвечу по мере возможности.

Сказать, что такие слова огорошили и просто-таки оглушили Крикунова, это означает не сказать почти ничего. Оно, конечно, понятно — приказ. А вот дальше непонятно ничего. Дальше намечалась целая тьма всяких вопросов.

— Я, конечно, понимаю — приказ, — начал Крикунов. — Но... Это как же так получается? Это что же, вы пойдете дальше громить врага, а я останусь здесь смотреть, как добывают соль? Или, может, я чего-то не понял?

— Все вы поняли правильно, — сказал полковник. — Ухватили самую суть предстоящей вам задачи.

— Но ведь война... — Майор Крикунов расстраивался все больше и больше. — Как же так? Вы все — там, а я — здесь...

— Здесь тоже война, — сказал Черняк. — Мы уже говорили с вами, что соль — это стратегия, оружие и залог нашей победы. И еще — политика. А коль оно все так, то это и означает, что добыча соли тоже выполнение боевой задачи. Вы остаетесь

здесь не для того, чтобы прогуливаться с барышнями и пить водку. А для того, чтобы выполнять боевую задачу. Чтобы ковать оружие для нашей победы.

— И что же конкретно я должен буду делать? — упавшим голосом спросил Крикунов. — Какова моя конкретная цель?

— Вот чего не знаю, того не знаю, — развел руками полковник. — Знаю лишь одно — вы должны наладить бесперебойное снабжение солью нашей армии. А уж как вы это будете делать, зависит от вас. И, конечно, от ситуации. Но если каша на фронте будет несоленая, спросят с вас. И вы ответите по законам военного времени за невыполнение приказа. Вам все ясно?

— Чего уж яснее, — буркнул Крикунов.

— Да вы не огорчайтесь. — Тон полковника стал мягче. — Война она ведь бывает разная... А если, допустим, вы предполагаете, что здесь у вас будет сплошная тишь и благодать, то выбросьте такие мысли из головы. Здесь тоже всякое может случиться... Потому что соль стратегический товар, можно так сказать. Ну а где стратегия, там и враг. Оттого-то мы и придаем в ваше распоряжение солдат. Да-да! Целых десять человек с оружием! Из тех, которые выписались уже из госпиталя, но силенок, чтобы ходить в атаки, у них еще не хватает. Так что вы остаетесь не один, а с войском.

— Вот уж спасибо за такое войско! — как ни таил Крикунов в себе горькую иронию, а она все

же вырвалась наружу. — Уж мы тут навоюем, ежели чего!..

— А куда же вы денетесь? — спокойно, почти равнодушно проговорил полковник. — Конечно, навоюете. Возьмете не числом, так умением. К тому же вдобавок мы предоставляем в ваше распоряжение транспорт. Целые две машины! Грузовик и трофейную легковушку. Чтобы вы осознавали важность вашей задачи и вообще... Целые две машины! Да притом с шофером. Хоть он будет и один на две машины, но все равно — шофер!

— Понятно, — угрюмо произнес Крикунов. Ему почему-то подумалось, что упомянутый шофер — это как раз тот самый нервный контуженый водитель, который и привез его в штаб.

— А коль понятно, то действуйте, — в голосе полковника зазвучали начальственные нотки. — Срочно сдавайте все свои прежние дела и приступайте к своим новым обязанностям. Сейчас я позову лейтенанта, он и введет вас в курс дела. Познакомит и с шофером, и с солдатами, которые придаются в ваше распоряжение. Подчиняться будете местному коменданту. Ну и вообще всячески с ним взаимодействовать. Правда, кто он такой, я не знаю. Потому что нет еще никакого коменданта. Не успели назначить. Вот когда назначат, тогда и будете взаимодействовать.

— А вы, значит, отправляетесь дальше, — горестно констатировал Крикунов, хотя что уж тут было констатировать? И без того все было ясно.

— Да, — ответил Черняк. — Мы отправляемся дальше вслед за нашими передовыми частями. До самого Берлина.

— А я посыплю вашу дорожку солью, — уже совсем с запредельной горечью произнес Крикунов. — Есть, знаете ли, такой обычай: сыпать вслед путнику солью. Чтобы ему легче шагалось...

Полковник Черняк ничего не ответил, лишь внимательно посмотрел на Крикунова. Вскоре в помещение вошел молодой лейтенант и выжидательно уставился на майора. Делать было нечего, все вопросы были заданы, вся горечь — выплеснута, и Крикунову только то и оставалось, что приступить к исполнению своих новых обязанностей. То есть делать все, чтобы каша на фронте у бойцов всегда была соленой.

ГЛАВА 2

Как Крикунов и предполагал, прикомандированным шофером оказался тот самый нервный контуженый солдат. Сопровождавший Крикунова лейтенант объявил:

— Вот вам — машина, а это — шофер. Принимайте хозяйство, товарищ майор.

Крикунов мрачно взглянул на выдавшую виды полуторку и на шофера. По лицу шофера то и дело пробегали нервные судороги — следствие контузии. А может, дело тут было вовсе не в контузии, а всего лишь в характере солдата — как знать? Но как бы там ни было, настроение Крикунова испортилось еще больше.

— А вот — обещанная вам легковушка, — сказал лейтенант. — Боевой трофей! Называется «хорьх».

Майор мрачно взглянул на легковушку.

— Она на ходу? — спросил он.

— Вот чего не знаю, того не знаю! — развел руками лейтенант. — Да вы, товарищ майор, испробуйте ее сами. Или прикажите водителю.

— Попробуй завести, — мрачно сказал Крикунов шоферу. — И сделай на ней круг...

Водитель дернул лицом и, не торопясь, направился к легковушке. Хоть и не сразу, но машина все же завелась. Не разбирая дороги, водитель сделал на ней большой круг и, затормозив напротив Крикунова, выжидательно взглянул на него.

— Полковник обещал мне солдат, — с неудовольствием произнес Крикунов. — Целых десять храбрых гвардейцев. Где же они?

— А вот, — указал лейтенант.

Прислонившись к стене здания, в котором располагался штаб, сидели солдаты — ровно десять человек. С кислым выражением лица Крикунов подошел к ним. Солдаты нехотя поднялись.

— Так, — безнадежным тоном произнес майор. — Кто из вас тут главный?

— Сержант Лапоть, — представился один из бойцов.

Майор по очереди оглядел приданное ему воинство. Восемь человек были вооружены винтовками, лишь двое — Лапоть и еще один боец — автоматами.

— Патроны-то у вас имеются? — мрачно спросил майор.

— Так точно, — за всех ответил сержант Лапоть.

— А гранаты? — спросил Крикунов.

Бойцы недоуменно переглянулись.

— А зачем нам гранаты? — спросил сержант. — В кого ими тут швыряться?

Крикунов промолчал. Он и сам не знал, в кого тут можно швырнуть гранату. Враг отступил. Вот даже отдаленного грохота канонады и то не слы-

хоть. Здесь — глубокий тыл. Отсюда не дошвырнешь до врага никакой гранатой.

— Значит, все вы после госпиталей? — спросил майор у всех бойцов сразу.

— Так точно, — нехотя ответили ему несколько голосов.

— И после окончательной поправки снова отправитесь на фронт? — спросил майор.

Солдаты вновь переглянулись.

— Кончились наши фронты, — за всех ответил сержант Лапоть.

— Это как так? — не понял Крикунов.

— Списаны все мы подчистую в связи с серьезными ранениями, — мрачно пояснил Лапоть. — Только и того, что руки-ноги целы. А так — непригодные мы к дальнейшей службе. Так нам и сказали... И документы у нас на то соответствующие имеются. Показать?

Крикунов лишь махнул рукой. Для чего ему были какие-то документы? Полная безнадега овладела им, она была как тягучее болото, из которого выбираться не было ни сил, ни желания.

— Значит, все вы вроде как инвалиды? — уточнил он.

— Вроде того, — мрачно ответил Лапоть и сплюнул.

— Ну а здесь-то как вы очутились? — поинтересовался майор.

— А война, — просто пояснил сержант Лапоть. — Оттого и очутились. Не пожелали мы отправляться по домам. Сказали начальству: при-

страивайте нас на какую-нибудь должность, и все тут! Руки-ноги, говорим, у нас целы, голова тоже при нас, соображать и стрелять в случае чего у нас получится. Желаем, говорим, воевать дальше. Где угодно — хоть кашеварить, хоть даже прачками. Потому как — война. А мы — живые. Вот нас и пристроили... Будете, говорят, охранять соль. Хотя где здесь та соль, мы и не знаем. А вы, товарищ майор, вроде как будете нашим начальником?

— Вроде того, — буркнул вконец расстроенный Крикунов.

А и было от чего расстроиться, в самом деле! Вот перед ним десять солдат. Десять, можно так сказать, калек, списанных в связи с тяжелыми ранениями. И казалось бы — ступайте с чистой совестью по домам, коль уж оно такое дело! Кто вас в чем упрекнет? Вы свое отвоевали. Так нет же, не пошли они по домам! Желаем, говорят, воевать дальше несмотря на то, что, можно сказать, калеки. Вот ведь какое получается дело! А что же он, майор Степан Крикунов? Он-то не ранен, он молодой и здоровый мужик, ему воевать да воевать! Пускай даже и не на самой линии фронта, а чуть сзади, но какая, по сути, разница? Кто-то должен воевать и в ближних тылах. Так-то — в ближних! А здесь-то какие ближние тылы? Здесь, можно сказать, установилась мирная жизнь. Вот даже канонады и то не слышно. Канонады, стало быть, не слышать, а он все равно здесь. Живой, здоровый, ни разу не получивший ранения! Но приказ, его не послушаться... Только кому она нужна, та соль? Кто на

нее может покуситься? Хотел бы майор взглянуть на таких покусителей...

— Вы где-нибудь уже пристроились? — спросил Крикунов у солдат. — Какие-никакие харчи у вас имеются?

— Пока что имеются, — ответил Лапоть. — А ночуем мы вот здесь, — указал сержант на небольшой, слепленный из самана домишко. — Хатенка бесхозная, вот мы в ней и поселились. А только...

— Что? — спросил Крикунов.

— Хотелось бы нам знать нашу боевую задачу, — сказал Лапоть. — А то ведь сидим, спим, варим кашу, курим махорку, и больше ничего. Ладно — соль. Но где она, та соль?

— Да я и сам покамест знаю не больше вашего, — угрюмо произнес Крикунов. — Я ведь только что назначен на должность, буквально сегодня утром. Стало быть, будем вникать и разбираться вместе. А покамест ждите моей команды. Но чтобы мне никакого баловства. Никаких вольностей! Никаких неудобств от вас для местного населения! Понятно?

— Так точно, — нестройным хором ответило войско, и в этом хоре Крикунову почудилась почти нескрываемая ирония.

Он хотел сказать солдатам еще что-то, возможно, в ответ на их иронию, но ничего не надумал и лишь махнул рукой.

— Заводи мотор! — приказал он шоферу. — Легковушку заводи — и поедем!

— Куда? — спросил шофер, лениво поднимаясь с земли.

— А вот я тебе скажу куда! — ответил Крикунов.

* * *

Дел у Крикунова было много. Во-первых, сдать дела по прежнему месту службы. Во-вторых, наладить деловые и служебные отношения с комендантом и гражданскими службами — если таковые, конечно, уже были назначены. В-третьих, выяснить расположение тех мест, где добывается соль. В-четвертых, хотя бы в общих чертах уяснить, как именно она добывается. В-пятых, разузнать, когда соль начнут добывать. В-шестых, определиться, каким таким образом добытую соль можно будет отправлять на фронт. В-седьмых, подыскать местечко, где можно было бы обосноваться ему самому и его бойцам. Понятно, что такое местечко должно быть поближе к соляным приискам — или как они там называются на самом деле, — чтобы можно было наблюдать за процессом добычи соли и ее отправки на фронт собственными глазами.

Было, наверно, еще и в-восьмых, и в-десятых, и даже, может статься, в-тридцать третьих — как знать? Все могло быть, потому что враг только-только ушел с этой земли. И просто так, по-хорошему, он никогда не уходил. А всегда оставлял после себя сплошь развалины и разруху. Изучил майор его подлые привычки и повадки, очень даже замечательно изучил!

Оказалось, что, пока Крикунов знакомился со своим инвалидным войском и боролся с собственными душевными терзаниями и неудовольствиями, на освобожденную территорию были назначены комендант и, кроме того, исполнительные органы гражданской власти. Располагалась вся власть — как военная, так и гражданская — в селе Ишунь, единственном более-менее крупном населенном пункте в здешних местах.

Добравшись до Ишуни, Крикунов первым делом разыскал коменданта. Им оказался армейский майор с несгибающейся ногой и с костью в руках, на который он опирался при ходьбе. Это обстоятельство внесло в душу Крикунова дополнительную порцию смуты, раздрая и неудовольствия. Даже комендант — и тот был после ранения! Все здесь, похоже, были после ранения, все несли, как могли, свою службу, один лишь Крикунов был здоров просто-таки до полного неприличия! Как, понимаешь ли, какая-нибудь поганая белая ворона среди стаи добрых серых ворон!

Усилием воли Крикунов все же отогнал от себя душевную смуту. Вернее будет сказать, загнал ее в самый дальний уголок души. Пускай она там находится, не до смуты сейчас. Сейчас надо выполнять приказ. и ничего тут не попишешь. На то он и солдат, чтобы выполнять приказы. И на то она и война.

— Да, мне о вас говорили, — сказал комендант, пожимая руку Крикунову. — И о соли тоже говорили. Что она стратегический товар, победное ору-

жие и все такое... Может, так оно и есть. А только я не понимаю, чем могу быть вам полезен. Вообще-то это дело не мое, а гражданских властей.

— Ну, так где они, те гражданские власти? — уныло спросил Крикунов.

— А — здесь они, — махнул рукой куда-то в сторону комендант. — В другом крыле этого же помещения.

Крикунов раздраженно пожал плечами и отправился знакомиться с гражданскими властями. Такими властями оказались два человека — мужчина и женщина. Мужчина был одет в военную форму без знаков различия. Крикунов невольно присмотрелся к мужчине — цел ли он, не хромает ли, нет ли при нем костыля. Собственные целые руки и ноги исподволь начинали казаться Крикунову сущим безобразием. Даже, может статься, преступлением.

— Из фронтовиков? — спросил Крикунов у мужчины.

— И да и нет, — улыбнулся в ответ мужчина.

— Это как так понимать? — невольно удивился майор.

— Из партизан, — ответил мужчина.

— Вот как! — еще больше удивился Крикунов. — Что же, здесь были партизаны?

— Как не быть. Были, — просто ответил мужчина.

— Так ведь здесь голые места! — сказал майор. — Все как на блюдечке. Здесь и спрятаться-то негде!

— Да вот прятались, — вновь улыбнулся мужчина. — В камышах, в ямах, по селам... Воевали как могли. Теперь вот поставили поднимать разрушенное хозяйство.

— Стало быть, вы — местный? — спросил Крикунов.

— Здешний, — ответил мужчина. — И я, и вот она, — указал он на женщину.

— А тогда все, что касается добычи соли, вам тоже ведомо? — спросил майор.

— Знаем мы и такое дело, — кивнул мужчина.

— Ну, так это уже хорошо! — с облегчением вымолвил Крикунов. — А то куда ни кинься и у кого ни спроси — никто ничего сказать не может! А мне надо знать.

— А в чем, собственно, дело? — спокойно поинтересовался мужчина.

Крикунов кратко представился и рассказал о своей миссии. Вернее сказать, о приказе, который он обязан был выполнять.

— Ах, вот в чем дело! — сказал мужчина. — Теперь все понятно. А то мы тут сидим да гадаем: для чего майору Красной армии знать о соли? Что ж, коли такое дело, то и ладно. Будем работать вместе. Соль — это самое первое дело, добычу которого мы должны наладить. Потому что соль — это...

— Знаю. — Крикунов тоже улыбнулся. — Премного наслышан. Соль — это и политика, и стратегия, и оружие... В общем, каша в солдатском котелке должна быть соленой — и никаких других вариантов здесь не допускается.

— Именно так, — уже серьезно сказал мужчина. — Что ж, давайте знакомиться ближе. Меня зовут Василий Авдеевич. Ее — Анна Карповна.

— Можно просто Анна, — поправила женщина. — Молода я еще, чтобы меня по отчеству...

— Это — да, — простодушно согласился Крикунов, помолчал и сказал: — Посмотреть бы мне на место, где соль добывают.

— Посмотреть, конечно, не мешало бы, — согласился Василий Авдеевич. — Да вот только как туда добраться? Далековато... А у нас даже подводы пока нет.

— Ну, так у меня — машина, — сказал Крикунов. — Вмиг домчимся. Вы только дорогу покажите!

— Вот оно как! — с радостным удивлением произнес Василий Авдеевич. — Тогда поехали.

Сели и поехали. Ехать оказалось не так и долго. Вскоре вдаль показалась полоска воды. Уж такая синяя, что и смотреть на нее было больно.

— Вот он, Сиваш, — сказал Василий Авдеевич. — А то, что вода такая синяя, — так это от соли.

Остановились. Ровная гладкая степь стелилась на все три стороны, а с четвертой стороны была вода. Растительности не было почти никакой, лишь изредка виднелись какие-то приземистые кусты. Не было видно даже птиц, которых обычно всегда много там, где вода. А тут вода была, а птиц — не было.

— Да какие тут птицы? — поняв, о чем думает Крикунов, сказал Василий Авдеевич. — Живно-

сти-то в здешних водах — никакой. Потому что уж слишком соленая в Сиваше водичка. Не вода, а, можно сказать, раствор соли. Какая рыбина выживет в такой воде? А птица — она там, где рыба.

Невдалеке виднелись какие-то полуразрушенные строения из камня-ракушечника. Подошли к ним.

— Остатки соляного склада, — сказал Василий Авдеевич. — Когда-то здесь хранилась соль. Много соли... А вообще-то обычно соль хранили в буртах, под открытым небом.

— Так ведь если дождь... — почесал в затылке майор Крикунов.

— А на этот случай имелись свои хитрости, — сказал Василий Авдеевич. — Сверху бурты укрывали тростником или обмазывали глиной, а то и навозом.

— Ну да? — не поверил Крикунов.

— Было дело, — вздохнул Василий Авдеевич. — До войны здесь было много чего: и соляные прииски, и овечьи отары, и навоз... Теперь-то нужно все начинать сызнова.

— Так хоть как ее добывали, соль-то? — спросил Крикунов.

— Как добывали? — переспросил Василий Авдеевич. — А вот смотрите... Видите это большое квадратное углубление?

— Ну...

— Это бассейн. В него из озера пускали воду. Бассейн мелкий, и вода быстро испарялась. А соль

на дне бассейна оставалась. Ее сгружали на тележки и свозили в бурты. Вот и все.

— Так просто? — с удивлением спросил Крикунов.

— Да, так просто, — задумчиво подтвердил Василий Авдеевич. — Хотя как сказать. Солнце, ветер, жара; соль въедается в кожу, лезет в глаза и в рот... А пресной воды — самая малость. Только чтобы попить. Умыться и то нечем... Вот я сказал — добытую соль складывали в тележки. Ну, так в те тележки надо было кого-то запрягать, не так ли? Спрашивается кого? Никакая скотина долго не выдерживала. Только — верблюды. Так на верблюдах и возили.

— Вот оно как! — с искренним удивлением произнес Крикунов.

— Да, вот так... А только где их сейчас взять, тех верблюдов? И верблюдов, и людей...

Помолчали, глядя на мертвую, нестерпимо синюю воду Сиваша. Отчего-то, несмотря на то что вода была неживая, на нее хотелось смотреть и смотреть. А затем Крикунов спросил:

— А вот говорят, немцы всю соль вывезли. А что же вы, партизаны? Отчего не воспрепятствовали?

— Препятствовали как могли, — сказал Василий Авдеевич. — И грузовики взрывали, и бурты соляной водой обливали... В общем, это отдельная история. Видите остатки этого склада?

— Ну...

— Обратили внимание на то, что он взорван?

БЕЛАЯ КРОВЬ ТАВРИДЫ

— А ведь оно так! — с некоторым удивлением произнес Крикунов. — В самом деле — взорван...

— Ну, вот видите. Мы и взорвали. Воевали как могли.

— Это значит, чтоб у немцев каша тоже была не-солёная, — невесело пошутил майор. — Тут у меня имеется просьбочка... Помещеньице нам надобно какое-никакое. Где-нибудь поближе к соляным местам. Чтобы, значит, нам там разместиться. При мне — две машины и десяток солдат. Здесь и будет наше место. Так сказать, наша линия фронта.

— В двух километрах отсюда есть село, — сказал Василий Авдеевич. — Даже несколько небольших сел. Съездим и что-нибудь подберем, коль такое дело. Не в одном, так в другом.

ГЛАВА 3

К началу лета, несмотря на всевозможные трудности, на Сиваше и других окрестных озерах началась добыча соли. Нашлись и люди, и даже верблюды. На берегах озер стали появляться первые соляные бурты, похожие на белые скирды обмолоченного хлеба.

Прибавилось хлопот и у майора Крикунова вместе с его инвалидной командой. Стараниями коменданта и, видимо, каких-то других инстанций к буртам стали одна за другой подходить военные грузовики и гражданские подводы. Грузенные солью автомашины уезжали на запад, в сторону далеко отодвинувшейся от полуострова линии фронта, а подводы развозили соль по ближним городам и весям. За всем надо было уследить, все пересчитать. Военный порядок — он требует учета, это известно каждому.

Однако же здесь не было войны. Здесь не стреляли, не шли в атаки, да и людей в военной форме, помимо самого майора Крикунова и его бойцов, видно не было. По сути, здесь была мирная жизнь со всеми ее такими же мирными проблемами и ма-

ленькими радостями. И это обстоятельство тяготило и самого Крикунова, и его подчиненных.

По вечерам, расположившись прямо на земле у старой кошары, наспех переоборудованной под жилье, бойцы, глядя в южное черное небо с бесчисленными на нем звездами и покуривая махорку, грустили.

— А ведь где-то идет война! — говорил какой-нибудь солдатик, и все остальные, соглашаясь, кивали в ответ. — Ребята ходят в атаки... А что мы? Торчим у этого озера, считаем подводы с солью... Видеть уже не могу эту соль! Соль, конечно, нужна, а только — сколько же можно? Да и для чего?

— Вот именно, — вступал в разговор другой солдат. — Считается, что мы ее охраняем — соль-то. Да только кому она нужна, чтобы ее красть? Ее здесь вон сколько! Под ногами валяется! Бери сколько пожелаешь, задаром бери! Для чего ее караулить, от кого? От себя самих, что ли? Так ведь и нам она без надобности!

— Это точно! — мрачно говорил третий солдат. — Много здесь ее, соли-то! Целые горы! А человеку ее только и надобно что шепотку. Стало быть, и караулить ее незачем.

— Коль нас сюда приставили, значит, оно так нужно! — пытался возражать сержант Лапоть. — Если бы не было нужно, то и не приставили бы. Там, наверху, знают, что к чему. И коль мы здесь, то, стало быть, на то есть свой резон.

— Ну, так назови нам этот резон, коль ты такой умный и сознательный! — возражали сержанту

сразу несколько голосов. — Вот видишь, ты молчишь... Стало быть, и сам ничего не знаешь. Нет уж, на фронт! Вот напишем рапорта с просьбой отправить нас в действующую армию — завтра же! И отправимся!..

— А в родимый колхоз сторожем по причине инвалидности отправиться не желаешь? — возражал на это сержант Лапоть, и в его голосе ощущалась горькая злость и такая же безысходность. — Отвоевались мы подчистую... Или вы позабыли, что нам говорили доктора перед выпиской из госпиталя?

— Помним, — угрюмо соглашались бойцы. — Как не помнить. А только все равно обидно до крайности! Братушки ходят в атаки, а мы, получается, будто на курорте.

Майор Крикунов, конечно, слышал все эти разговоры, тем более что они велись, можно сказать, каждый вечер. По логике, он должен был их пресекать, вести среди бойцов разъяснительную работу, всячески их убеждать, что не зря они представлены к соляным приискам и буртам соли, что есть во всем этом какой-то высокий смысл и какая-то полезность. Но он слушал солдатские разговоры и молчал. Молчал, потому что и ему самому хотелось того же самого, что и бойцам. Бросить к чертовой матери и эти прииски, и бурты соли, забыть о вереницах автомашин и подвод, уйти куда подальше от нестерпимо синей мертвой воды, нескончаемого соленого ветра, разъедающего кожу и глаза, — и немедленно отправиться на запад, догнать

наступающую Красную армию, а там будь что будет. Хоть рядовым в штрафную роту — майор Крикунов был согласен даже на это. Потому что коль война, то, значит, надо воевать, а не считать подводы с солью.

Горько было Крикунову, и всю свою горечь Крикунов изливал на коменданта. Раз в неделю он приезжал в Ишунь, где располагалась комендатура, и начиналось...

— Вот ты мне скажи! — приставал Крикунов к коменданту. — Я, конечно, понимаю — соль. Без нее невозможно ни на фронте, ни в мирной жизни. Все это так. Но при чем тут я? Вот и мои бойцы тоже нудятся и спрашивают о том же. Ведь ты рассуди: то, что мы делаем, могут делать и гражданские люди! Какие-нибудь учетчики, или как там они именуется... Так нет же, приставили к делу меня! Но ведь я военный, я — майор Красной армии, а не какая-то там учетчица! Как же так? Почему?

— Так ведь соль ты отправляешь не в какую-то рыбацкую артель, а на фронт! — терпеливо возражал Крикунову комендант. — А коль на фронт, то, стало быть, это дело военное. А коль оно военное, то ты к нему и приставлен как военный человек! Как майор интендантской службы! Чем должен заниматься интендант? Снабжением армии. Хоть, предположим, портянками, хоть солью. Вот ты этим и занимаешься по долгу своей службы. И что же тебе тут непонятно?

— Да все мне понятно! — страдальчески кривился Крикунов. — А только все равно обидно!

Обидно мне, понимаешь? На фронт бы мне. Без разницы куда, хоть в штрафную роту.

— Ну-ну, — утешал Крикунова комендант. — В штрафную роту ему захотелось, видишь ли! Тут, на Сиваше, тебе и фронт, и штрафная рота. Тем и утешайся. И вообще — для чего ты пошел в интенданты, коль уж так маешься? Шел бы в артиллеристы. Или, скажем, в пулеметчики.

— Это да! — горестно соглашался Крикунов. — Огромную ошибку я допустил в свое время! Да ведь время-то в обратную сторону не повернешь.

— Вот и не страдай, — улыбался усталой улыбкой комендант. — А лучше расскажи в подробностях, как обстоят дела на соляных приисках.

— А! — в отчаянье махал рукой Крикунов.

И выкладывал перед комендантом всю опостылевшую соляную бухгалтерию и арифметику. С этим делом у него все было в порядке — службу Крикунов знал.

— Ну, вот видишь! — ободряюще говорил комендант. — Все у тебя в порядке. Так продолжай и дальше. А бойцов своих приободри. Найди, понимаешь ли, подходящие слова... Потому что это не дело — разводить в армии унылость. Как ни крути и что ни говори, а все едино — здесь тоже фронт. А значит, что и мы с тобой тоже на фронте. И твои солдатики — тоже. Вот так им и скажи.

Если такие разговоры происходили вечером, то, закончив дела, комендант и Крикунов выходили на крылечко. У коменданта при себе имелась фляжка с водкой. Где он ее добывал, комендант не

БЕЛАЯ КРОВЬ ТАВРИДЫ

рассказывал, да Крикунов об этом и не спрашивал. А просто комендант разливал водку в мятые доверенные алюминиевые кружки и начиналась неторопливая беседа. Комендант рассказывал о том, как он воевал в понтонном полку, Крикунов — в какие передраги попадал он. И что с того, что один из них постоянно находился на передовой, а другой — в ближних тылах? Фронт есть фронт: там и передовая, и тылы — понятия относительные. Условные понятия, зыбкие и ненадежные. Сейчас — тыл, а через полчаса — самая что ни есть передовая.

Ну а потом Крикунов прощался с комендантом, садился в дребезжащую легковушку или в кабину грузовика, и нервный шофер вез его обратно — на озеро Сиваш, к соляным приискам.

ГЛАВА 4

Ближайшее к линии фронта подразделение Абвера II располагалось в румынском городе Констанца. Это было очень удобно. Никому не было известно, докатится ли сюда фронт, а если даже и докатится, то когда именно. Сам город располагался на берегу Черного моря, и это также было удобно. Абвер II отвечал за подготовку диверсантов и за их заброску на территорию других стран. И в первую очередь, конечно, это была территория Советского Союза. Точнее говоря, та самая территория, которая лишь недавно была освобождена от захватчиков.

В чем именно состояло такое удобство? А в том, что отправлять из Констанцы диверсантов можно было по морю. А море — это не суша. Это на суше диверсионным группам нужно было всячески исхитряться, чтобы миновать линию фронта и потом пробираться по чужой территории, ежеминутно рискуя себя разоблачить, а значит, сорвать тщательно подготовленную операцию.

А море — оно безлюдное. Да, конечно, и на море можно напороться на сторожевой корабль,

но сколько их, тех сторожевых кораблей? При удачном стечении обстоятельств их и вовсе можно было не встретить. Особенно в ночное время. Да если и напорешься на такой корабль, то ночная тьма надежно прикроет тебя своим пологом. Да и до советского берега, то есть до крымского побережья, из Констанцы было не так и далеко.

Вот в этом и состояло главное удобство. Тем более что вышестоящее начальство с настойчивостью, переходящей в надоедливость, требовало от руководства подразделения, находящегося в Констанце, конкретных действий. И, разумеется, результатов. Сколько диверсионных групп подготовлено? Сколько их заброшено в советский тыл? Каковы результаты? Отчего групп так мало, а результаты — столь скромны? Или вы забыли, что Красная армия ведет наступление, ежедневно освобождая все новые территории? Не следует об этом забывать! Необходимо всячески противодействовать большевистскому наступлению! В том числе и с помощью заброски в советский тыл диверсионных групп. Диверсии — очень действенное оружие, они ослабляют тылы наступающей армии. А без крепких, надежных тылов успешное наступление невозможно. Констанца — это не безмятежный курорт на теплом морском берегу, здесь также фронт. И ваши успешные действия остановят наступление большевиков и приблизят победу великой Германии!

Ну и так далее. Эти ежедневные и, по сути, пустые напоминания и понукания изрядно раздра-

жали командование группы Абвер II, расположенной в Констанце. Но и отмахнуться от них было невозможно. Тем более что в последнее время дела у группы и впрямь были неважными. Из пяти с невероятными трудами подготовленных диверсионных групп лишь одна сообщила о том, что благополучно добралась до места. Это была именно та группа, которую отправили на советскую территорию морем. Остальные четыре группы, отправленные по суше, сгинули. Да и группа, отправленная морем, вскоре также перестала выходить на связь.

Одним словом, дела обстояли неважно. И потому необходима была успешная операция. Успешная и громкая. Причем в самое короткое время. Именно об этом и говорили в служебном кабинете начальник группы полковник Пауль Гартман и его заместитель гауптман Бруно Кляйн.

— Хорошо им там давать команды! — ворчал Бруно Кляйн. — Чтобы дать распоряжение, большого ума не надо! А вот чтобы подготовить диверсионную группу, да еще успешно забросить ее в нужное место, да еще чтобы она выполнила задание... Неужели они там, — Кляйн раздраженно указал рукой куда-то вдаль, — этого не понимают? Ведь невозможно ежедневно готовить и засылать все новые и новые группы. Подготовка каждой группы требует времени. Уж это они должны понять?

— У вас плохое настроение? — полковник Пауль Гартман улыбнулся.

— Немногим хуже, чем у вас! — мрачно парировал гауптман.

— Ну, у меня-то с настроением все в порядке! — полковник не переставал улыбаться. — Мы с вами разведчики. А разведчик должен контролировать свое настроение. Всегда и везде! Тем более что наше начальство по большому счету право. В последнее время наши успехи весьма и весьма скромны. Если не сказать большего...

— В последнее время наши успехи скромны не только у нас! — скривился гауптман Кляйн. — Фронт тоже катится на запад, как волна. Того и гляди, эта волна накроет нас!

— А уж это и вовсе никуда не годится! — с отеческим упреком произнес полковник Гартман. — Это называется распространение панических слухов. Вы знакомы с приказом фюрера? Знаете, что грозит тем, кто распространяет такие слухи?

— Я говорю правду! — мрачно возразил Кляйн.

— Правда на войне — это бессмыслица, — сказал Гартман. — Была бы на этом свете хоть какая-то правда, то, может, и войны никакой бы не было. Правда на войне — скверное оружие. Ложь куда надежнее. Запомните это, мой мальчик. И возьмите себя в руки.

— Извините, — буркнул Кляйн.

— Вот так-то гораздо лучше, — примирительно произнес полковник. — Значит, берем в руки привычное для нас оружие и приступаем к боевым действиям. Итак, что у нас нового и утешительного? Какие гениальные мысли посетили вашу светлую

голову? Уверен, что ваша голова просто-таки переполнена такими мыслями. Выкладывайте.

— Совсем недавно наша доблестная армия вынуждена была покинуть Крым, — помедлив, начал Кляйн.

— К сожалению, это так, — подтвердил полковник Гартман.

— Мы сейчас находимся в Констанце, — продолжил Кляйн. — Если провести прямую линию между нами и Крымом, то такая линия будет очень короткой... Разумеется, тут нужно учитывать, что эта условная линия пролегает через море.

— То есть вы предлагаете забросить в Крым диверсионную группу через море, — догадавшись, к чему клонит гауптман, нахмурил брови полковник Гартман.

— Именно так, — подтвердил Кляйн.

— Припоминаю, мы уже пытались таким способом забросить диверсионную группу, — скептически произнес полковник. — Правда, не в Крым, а в Одессу, — но какая разница?

— В нашей работе без ошибок не обойтись, — возразил Кляйн. — И если их учеть...

— Продолжайте, — примирительно произнес полковник. — И не обращайтесь на стариковское ворчание внимания. И так, вы предлагаете забросить в Крым диверсионную группу? Зачем же? Меня интересует конкретная цель. Без всяких лирических нюансов.

— Соль, — коротко ответил Клян.

— Виноват, не понял...

— По последним данным нашей разведки, Советы приступили в Крыму к добыче соли. Разумеется, в промышленных масштабах.

— Вот как, — с некоторым удивлением произнес Гартман. — Быстро это у них...

— Быстро, — согласился Кляйн. — Большевики вообще люди действия, что бы про них ни говорили...

— Продолжайте, мой мальчик, — сказал полковник. — Итак, большевики начали в Крыму добывать соль в промышленных масштабах. И что же?

— Разве вы не понимаете, какое значение имеет соль? — с удивлением глянул на полковника Кляйн. — Это не только важный продукт питания. В данном случае это еще и элемент большевистской пропаганды и политики. Вот не успели большевики войти в Крым, как уже приступили к добыче соли. А если к тому же учесть, что других крупных месторождений соли поблизости нет... Это же так очевидно!

— Я очень рад, что вы это понимаете, — полковник Гартман снисходительно улыбнулся. — Разумеется, я это понимаю тоже. Просто мне хотелось узнать вашу точку зрения. Я слушаю вас. Продолжайте.

— Итак, добыча соли — одно из первых успешных действий большевиков в Крыму, — продолжил Кляйн. — Это, если угодно, не только производственный процесс, но и символ мирной жизни. И вот если этот символ уничтожить... Таким спо-

собом мы можем добиться многого. Во-первых, нарушится снабжение действующей армии солью. Прошу эти мои слова воспринимать без всякой иронии. Соль — очень важный продукт...

— Я вас внимательно слушаю и ничуть не возражаю, — сказал полковник Гартман. — Больше того — я с вами полностью согласен.

— Так вот, — продолжил Кляйн. — Действующая армия... Кроме того, без соли останется и гражданское население. А это также немаловажный фактор. Основной продукт питания в Крыму — рыба. А что такое рыба без соли? Голодающее мирное население — это наше оружие против большевиков. Это очень действенное и эффективное оружие!

— Я полностью согласен с вами, — поощрительно произнес полковник Гартман.

— Если нам удастся вывести из строя соляные промыслы в Крыму, то это оружие непременно сработает, — пояснил Кляйн. — И в военном, и в политическом смысле. Такова идея.

Гауптман Кляйн умолк и выжидательно уставился на полковника. Гартман же какое-то время молчал. Он размышлял.

— Что ж, идея хороша, — сказал наконец он. — Хороша как теория. Ну а что на практике? Я так понимаю, что у вас имеются и практические соображения?

— Разумеется, — ответил Кляйн.

— Выкладывайте — причем во всех подробностях, — велел полковник. — Вы же знаете, как